

П. А. БЛЯХИН

С НАСТУПАЮЩЕЙ АРМИЕЙ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1943—1944 гг.

Публикация Х. С. Топоровской-Бляхиной

Предисловие Ильи Пекермана*

В январе сорок третьего года я получил из Политуправления фронта краткую записку: «К вам выехал на работу писатель Бляхин. П. А. Бляхин должен писать повесть... Организуйте его деятельность так, чтобы он не был загружен никакой другой работой, кроме работы над повестью...»

До этого мне не доводилось встречаться с Павлом Андреевичем, и я знал о нем только по его произведениям. Но для меня, в прошлом питерского комсомольца, имя автора «Красных дьяволят» было овеяно незабываемой романтикой революции...

Бляхин прибыл в небольшую деревушку Володьково, что вблизи тульского городка Белева, где тогда находилась редакция нашей армейской газеты «Боевой призыв». В коллектив он вошел как-то сразу: через неделю уже казалось, что он у нас давно, с самого начала. Узнали о нем быстро и наши читатели. Они, правда, не догадывались, что «Дед Панас — сто глаз», автор веселых раёшников в армейской газете, и седой майор, который так часто бывает у них в окопах, — одно и то же лицо. На имя «Деда Панаса» стало приходиться всё больше и больше писем.

Ну, а как же повесть? Ведь я имел прямое указание «не загружать его никакой другой работой...» А он сам по горло влез в эту «другую работу» — писал раёшники, очерки, корреспонденции, собирал у военкоров заметки, «голосовал» на дорогах, в редкие минуты отдыха спал на полу в землянке, укрывшись плащ-палаткой. Иначе говоря, вел жизнь фронтового газетчика, показывая молодым журналистам пример неистощимой энергии и выносливости.

Когда однажды я сказал Бляхину, что мы собираемся его разгрузить, Павел Андреевич с несвойственной ему резкостью ответил:

— Лучших условий для сбора материалов я себе и не мыслил, — и перевел разговор на другую тему.

Павел Андреевич терпеть не мог никаких скидок. Он, как и все, старался заполнить задание поинтересней, а самое интересное задание большей частью бывало и самым трудным. И вот пожилой человек, со здоровьем, подорванным долгими годами подполья, царских тюрем и ссылок, совершает 50-километровый марш с батальоном, идущим с боями к Днепру. Не отдохнув, шлет оттуда одну за другой корреспонденции, в которых с присущей ему наблюдательностью рассказывает о настроениях солдат, рвущихся быстрее форсировать могучую реку.

На фронте наш коллектив праздновал сорокалетие пребывания Бляхина в партии. В гости приехали командующий армией генерал П. А. Белов, член Военного Совета генерал Д. Г. Дубровский, начальник политотдела полковник К. А. Зыков. Они хорошо знали Бляхина и любили его. Мы собрались в большой хате и, затаив дыхание,

* И. М. Пекерман был редактором газеты 61 армии «Боевой призыв».

слушали рассказ Павла Андреевича о революционном движении, о партии, о встречах с Лениным, о бакинском подполье, о первых маевках.

Затем командующий армией огласил приказ о награждении Бляхина орденом, обнял, расцеловал его и тут же вручил награду.

Павел Андреевич был постоянным докладчиком на наших собраниях. Богатейший опыт партийного пропагандиста, прекрасное владение ораторским искусством делали его доклады всегда интересными и зажигательными.

В Прибалтике, а это уже был декабрь 1944 г., Павел Андреевич стал сильно прихварывать. С трудом мы уговорили его отправиться в Москву подлечиться. Тяжело было расставаться с Бляхиным. Мы уже как-то и не мыслили себе нашу газету без Павла Андреевича.

Очевидно, и Павел Андреевич по-настоящему привязался к своим товарищам по газете. Узнав о том, что по решению врачебной комиссии он подлежит увольнению, Бляхин написал нам теплое, прочувствованное письмо. «Расстаюсь с вами, со славным коллективом большевиков-журналистов, с глубоким сожалением, с грустью, как с родной семьей, — писал он. — Ведь два года нашего совместного служения Родине в дни Отечественной войны — целая полоса жизни... Желаю вам всяческих удач и нести знамя большевистской фронтовой печати так же высоко, как до сих пор».

Навсегда у нас сохранились не только теплые воспоминания, но и чувство гордости, что в тяжелые дни боев под Орлом, Черниговом, на Днестре, в Пинских болотах, в Прибалтике — с нами был обаятельный Павел Андреевич Бляхин, старый большевик-ленинец.

П. А. Бляхин (1886—1964) начал свой военный путь в июле 1941 г. рядовым бойцом 8 Краснопресненской дивизии народного ополчения Москвы. Закончил он его уже майором, в Прибалтике, в декабре 1944 г. Его записные книжки охватывают почти полностью эти три с половиной года: первая запись в них помечена 15 сентября 1941 г., последняя — 10 декабря 1944 г.

Для настоящей публикации отобраны записи с 6 июля 1943 г. (начало битвы на Курско-Орловской дуге) по 1 августа 1944 г., когда 61 армия, в газете которой работал П. А. Бляхин, вела наступательные бои в западных областях Белоруссии.

Записи печатаются по тексту записной книжки 1943—1944 гг., хранящейся у вдовы писателя Х. С. Топоровской-Бляхиной. Часть записей дается в сокращении.

6 июля 43 г. Утро. В этот день дрогнуло сердце. Вбегают взволнованный, красный старший лейтенант Панкратов.

— Слыхали?

— Нет.

— Вчера на Орловско-Курском направлении немцы начали наступление! Подбито 580 танков и 208 самолетов...

— Что? Наших?..

— Да нет, немецких! Кое-где им удалось продвинуться вперед на полкилометра.

У меня сразу отлегло от сердца.

Сегодня ждем с нетерпением последних известий.

Последняя (решающая) страница истории открыта! Истории Отечественной войны... Это третье немецкое наступление должно быть и будет последним!

Начались бои и на участке *соседней* армии. Скоро и мы в бой! Предчувствую грандиозные битвы, кровавые дни. Скорей бы!

Как странно: ни тени страха — ни за судьбы войны, ни за собственную жизнь! В сознание вросла мысль, что я еще вернусь в Москву и выполню свою давнюю мечту — напишу мемуары «Сорок лет моей жизни»...

Не надеюсь что-нибудь значительное написать о войне. Думаю, что Шолохов и другие напишут лучше, и вернее всего, что и писать много не буду. <...>

П. А. БЛЯХИН
Фотография, 1944 г.

Собрание Х. С. Топоровской-Бляхиной,
Москва

23 июля. Араны.

Ранним утром меня поднимают с постели: «Редактор приказал немедленно мчаться в Болхов. Он уже взят. Привезите материал о занятии города, о встрече с населением и пр.».

Едем на своей «Антилопе-Гну» вдвоем с Анисимовым¹. Гоним машину. Хочется попасть на свежий след.

По дороге следы боев. По бокам исковерканные машины, кое-где танки и словно взлохмаченные бурей хлеба... Во ржи шли бои. Поля пересечены тропами. Смятая рожь. Во ржи трупы немцев. Вот лежат двое, схватив друг друга за горло, — русский и немец. Но чья-то третья пуля скосила обоих. Всюду валяются патроны, бинты, поломанные винтовки, снаряды.

Несемся прямо в город, но... за километр от него нас останавливает патруль.

— Куда?

— В Болхов!

— Рано, город еще не взят, и там идут бои. Наши только окраины. Видите, вон у той церкви?

Оставляем машину в деревне. Я иду пешком к церкви со связным. В городе идет перестрелка. У самой церкви пришлось пробираться перебежками, кое-где ползком. Весело свистят пули.

Штаб полка в полуразрушенном доме. Полковник удивлен появлением писателя, но все же помог поговорить с бойцами и несколькими бежав-

шими из города жителями. Быстро собрал материал. Установил, что был момент, когда наши отряды прошли город из конца в конец, но в этот момент у нас было мало бойцов. Немцы опомнились, подбросили резерв и снова выбили наших из города. Удалось «зацепиться» только за окраину.

Еду обратно страшно разочарованный. Ложные слухи! Приезжаю, докладываю редактору о положении дел. Он не верит.

— Не может этого быть. Вот наша газета.

Показывает номер за 22 июля с красным аншлагом: «Над Болховом вновь развеивается красное знамя»...

— Нет, — говорю, — не развеивается. Мы заняли город преждевременно.

— Но нам же сам командующий подтвердил. И вот сводка Информбюро...

Словом — мировой скандал! В газете огромная статья о подробностях взятия города, а он еще у немцев. Но, к счастью, и «Правда» и все центральные газеты тоже напечатали.

На второй день я наблюдал яростный разговор командира полка, который говорил комбатам и командирам рот, потрясая нашей газетой:

— Вы видите? Газета город уже взяла!.. Как же вы подводите! Сегодня же взять!.. взять!

29 июля. Араны.

Снова летим к Болхову. Я, Светцов и Сотников², и еще прицепилась к нам Люда, хочет посмотреть бой. Ну, пусть. Ехали очень весело, много хохотали по пустякам. Я был в ударе и смешил всю компанию, а Светцов подхватывал. Прибыли в штаб полка, который наступал на Болхов.

С западной стороны город частично был в наших руках, и бой гремел. Но в тылу на возвышении (левый фланг) деревня в руках немцев.

Оставив Люду в штабе, мы пошли по руслу реки к городу. У самого города батальон накапливался для атаки деревни. Мы остановились с полковником здесь. Начали беседы с отличившимися бойцами. Сотников стал снимать. Стоим под обрывом у реки. Пролетает «рама». Начался обстрел из тяжелых орудий, но снаряды делают перелет.

Я продолжаю разговаривать с бойцами и полковником (из дивизии приехал форсировать захват города). Снаряды с ужасающим грохотом рвутся метрах на 100—150 от обрыва, в поле. Поднимаются черные фонтаны земли. Нас осыпает песком. Сотников бледнеет, но трясутимися руками щелкает своим аппаратом. Посерел и Светцов. Снаряды рвутся всё ближе. Ясно, что враг нащупывает нас (батальон). Вот снаряд разрывается так близко, что даже полковник в испуге присел на четвереньки, а все прочие брыкнулись с ног. Огромный фонтан земли взлетел к небу, и комья и мелкие осколки посыпались на наши головы. Я выдержал экзамен. Как стоял, так и остался стоять с записной книжкой в руках.

— Ого, да вы храбрец! — сказал полковник, неловко поднимаясь на ноги и стряхивая с себя песок.

Эта похвала для меня была высшей наградой...

Но всё же мы решили немедленно отсюда уходить, и батальон тоже должен переместиться. Могли «накрыть» каждую минуту, и тогда от нас останется только месиво. Сотников и Светцов возвращаются в штаб, а я иду с полковником на НП... Кое-где под огнем. Сажу в НП. Вижу, как тяжелые снаряды падают в реку, в том месте, где мы находились минут 15 назад, но... там уже никого не было. Я доволен.

Вечером немецкая артиллерия начала яростно обстреливать НП, но мы сидели в щели, и только прямо попадание могло нас уничтожить.

В стереотрубу вижу, как артиллерия немецкая добивает нашу самоходную пушку. Она стояла замаскированной кустарником. Два прямых попадания. Летят клочья. Как ястреб, кружится «рама», корректируя огонь. Наша артиллерия бешено осыпает снарядами город и расположе-

ние врага... Пошли в атаку на деревню. Вижу, как цепи бойцов делают перебежки. Падают... Встают и бегут вперед снова.

К ночи деревня взята. Заработали катюши. Потрясающее зрелище! Через наши головы летит огненный ураган с звериным ревом, напоминающим морскую сирену. (Это звук самого миномета в работе, а снаряды летят, как шквал ветра.)

В эту ночь мы должны выбить немца из города. Город горит. Зловещее багровое зарево стоит в разных концах города, освещая горизонт. Идет бой.

Ночь. Я иду со связным в город. Хочу пробраться в штаб батальона, который первым продвигается по улицам города к центру. Идем долго. Вот уже улица на окраине. Сюда то и дело летят снаряды. Рвутся. Неизвестно откуда свистят пули. То и дело прижимаемся к стенам. Подходим уже к штабу. Вдруг грохот, пламя, щебень и... угол дома, где был штаб батальона, разлетается в щепки. Нащупали! Но, видимо, это случайность. Идем в дом. Он уже пустой. Штаб перешел в другой дом, но куда — неизвестно. В подвале нашли группу раненых бойцов и сестру. Но и они не знают, где штаб. А бой разгорается с каждым часом. Пули (трассирующие) носятся, как золотые пчелы, но ужасно неприятно. А ночь темная, хмурая... Жуть. Мой связной решительно отказывается идти дальше: «Погибнем без толку, а штаб можем и не найти».

Пришлось вернуться в штаб полка. Долго бродили под огнем. Штаб нашли в овраге под открытым небом.

Ночь сырая, холодная. Земля мокрая. Командир полка, похожий на запорожского казака с чубом, то и дело хрипит по телефону в город:

— Да, да! Вперед, чёрт возьми! Бери следующий квартал! Что? Я вас, туда вашу мать! Да, да, миленок... Всех награжу! Сейчас приду к вам... — и снова отборная брань.

Телефонистка, молодая девушка, совершенно бесстрастно передает командиру трубку и слушает... Она привыкла.

Я лежу на плащ-палатке. Дрожу от холода, кутаюсь, не сплю. Небо постепенно яснее. Кое-где сияют звезды. А в городе стрельба усиливается. Гремят и пушки. Наши нажимают. Немец бешено огрызается, но, видимо, отходит к западной окраине. Это ясно по разговорам командира полка. К утру он стал весь синий от холода. Трясется, как в лихорадке. Трубка подпрыгивает в руке и бьет по губам. А он почему-то в одном мундире, даже без натальной рубахи. Типичный украинский партизан 20-го года.

И все же 30 июля Болхов был взят, и я на машине объехал его улицы. Много разбитых домов. Сбиты главы церквей. Срезаны сады пулеметным огнем.

...В Волхове пару дней спустя мы с Чачко выпустили первый номер районной газеты. Мы дали весь материал: о взятии города, о разгроме <фашистами> культурных учреждений, о зверствах, об угоне жителей в неволю и пр.

8 октября 43 г. Деревня Тамаровка, Репинского района, Черниговской области.

Как много воды утекло! Как много пережито за эти месяцы! Я уже не помню, как и когда из Верхних Савинок мы оказались в Лужках, у самого Орла. Орел страшно разрушен (мною заснят). В Орле состоялась встреча московских писателей с гражданами Орла в городском саду. Был заместитель председателя ССП Скосырев (сказал речь), Чачко, Никифоров³ и я. Я читал очерк о пленном красноармейце. Сцена — развалины взорванного павильона.

Из Орла мы проехали сразу километров 100—150. Остановились на

пару дней в с. Андреевке. Поели впервые яблок. Жители здесь смертельно запуганы и все жили в подвалах и щелях. В хатах жили только мы.

15 сентября я получил командировку в 76 гвардейскую дивизию, где пробыл до 27 сентября. Это была самая потрясающая полоса в моей жизни здесь. Вместе с наступающими батальонами капитана Каленюка (1-й батальон) и капитана Хромых (3-й батальон) я прошел пешком свыше 200 км. Шли прямо на запад. По папням и скошенным полям, по лесам и болотам, в дождь и грязь. Это было героическое шествие под огнем врага, с боями. Мы шли буквально по пятам немцев, вышибая их с ходу из населенных пунктов (г. Березна, д. Лопатино, Кувечичи, Павловка и много других, и наконец — Чернигов). 77 и 76 дивизии взяли Чернигов и получили название Черниговских.

Сейчас наша база в 30 км от Чернигова. 77 и 76 <дивизии> форсировали Днепр, но захватили пока небольшой плацдарм километров в 20 шириной и в 10—15 глубиной. Я был у Днепра в первый день, 27 сентября, когда мы уперлись в берег. Провели собрание партактива в лесу на берегу Днепра. Исторические дни!..

Хочется написать так много, что заранее рождается уверенность, что не напишешь всего. Только отрывки, чтобы вспомнить потом.

21 сентября я, агитатор полка Александров Никита, агитатор дивизии Богданов и комсорг Гришаев пешком догоняли батальоны (1-й и 3-й), которые где-то за д. Лопатино вели бой. У нас не было карты. Мы не знали точно, где находится противник. Идем прямо в д. Лопатино. Проходим лесом. Навстречу повозка с боеприпасами. «Куда? Почему едете в тыл?» Испуганный ездовой, узбек, в ужасе сообщает: «Там танки... У нас нет. Наша бежит... Много танки...» И, хлестнув коней, помчался прочь... Мы решили, что это паникер. Но всё же пошли дальше уже осторожнее, вдоль опушки леса. Над лесом закружились немецкие самолеты. Мы гуськом идем меж сосен дальше. На опушке посылаем Александрова с биноклем посмотреть, нет ли чего подозрительного впереди, за холмом. Минут через пять он уже вернулся взволнованный. «В нашу сторону идет отряд немцев в касках». Нас было четверо, оружие — только пистолеты. Вокруг ни души. Мы решили отойти в сторону в соседний лесок и под его прикрытием все же идти к Лопатину. Вспомнили испуг ездового, решив, что он имеет какие-то основания. Шли быстро, частенько озираясь назад. Я отстал, так как сердце не позволяло поспевать за молодежью. Молча иду за ними, стараясь не терять их из вида... Лес кончился. Поля, а дальше, уже видим, деревня... Стрельбы на флангах не было слышно. Где-то за деревней слышались редкие разрывы снарядов. Мы подняли на смех Александрова — своих принял за немцев! И довольно решительно двинулись к деревне. Благополучно добрались до окраины. Перешли болото. Я первым вошел в совершенно пустую, мертвую улицу. Зашел в ближайший дом. Пусто, ни души. Хата раскрыта. Внутри беспорядок. То же в соседней хате. Выхожу на другую улицу. На дороге уныло и неподвижно стоит раненая в бедро лошадь. Я снял ее. Издали увидел человека. Крикнул. Это была женщина. Подошли и товарищи. Узнали: недавно был здесь бой. Немцы покинули село. Наши прошли вслед за ними. Бой идет где-то за деревней. Мы окончательно решили, что всё в порядке. Впереди бой, и мы, следовательно, скоро догоним наш полк. А так как мы были дико голодны, то остановились в деревне покушать. Сошлись две-три хозяйки. Принесли молока, самогонки. Ребята выпили, а я закусил.

Решили идти за село. Вышли из хаты. Слышу вопли женщины. Бегу на крик. Посредине огорода лежит труп колхозника. Над ним сидит жена и заливается слезами. Причитает на все село. Тут же четверо маленьких ребятшек. При бегстве немцы мимоходом убили этого колхозника. Я снял ее лейкой...

Идем через село на звуки далеких выстрелов. Навстречу старик со старухой. Умоляют зайти к ним в садик. Заходим. Стоит стол. На столе мед, молоко, зубровка, яблоки. Старик почти силой усаживает нас за стол. Закусываем еще раз. Даже я выпил рюмку зубровки... И вдруг... Треск мотора. Из глубины села мимо нас несется бешено мотоцикл. Комсорг выбегает ему навстречу, хочет остановить. Поравнявшись с нами, человек на мотоцикле (с белым, как мел, лицом) крикнул осипшим голосом:

— Товарищи! Бегите назад! Полк разбит!.. Десятки танков! Батальоны Каленюка и Хромых уничтожены... — и мгновенно пронесся прочь в том направлении, откуда мы только что пришли.

Что делать? Мы решили тоже выйти за село и ждать, что будет дальше. Вышли... Отошли метров 500, ближе к лесу. Остановились. Ждем. Вскоре с запада, с разных концов деревни появились разрозненные кучки бойцов, по два, по три человека. Они бежали в диком страхе в нашу сторону. По инициативе Богданова мы решили задержать бегущих и, собрав вместе, вернуть в бой. Развернувшись на 30—50 метров друг от друга, составили цепь... Первых трех бойцов остановили без труда. Они были смертельно уставшими, с черными закопченными лицами, с разорванными шинелями, двое в крови... Задышав, они тоже подтвердили:

— Два наших батальона (в которые мы шли), заняв соседнее селение Кувечичи, попали в окружение. Несколько десятков танков появилось на флангах. Били и давили наших бойцов. У нас нет снарядов. Мы спаслись чудом... Все, кто там остался, погибли... Танки могут появиться и сюда. Никаких наших войск здесь нет, и пр.

Мы их осадили, устыдили и поставили в цепь, задерживать бегущих. Вскоре я остановил знакомого командира роты, начальника штаба батальона... Они тоже заявили, что все погибли, что за ними несутся танки...

Я бешено обрушился на командира роты. Он сел... Потом свалился набок. Я продолжал его отчитывать как труса и изменника, бросившего свою роту... Через несколько секунд я заметил, что он лежит, как труп, неподвижно. Толкаю его ногой. Молчит. Нагибаюсь к лицу. Комроты спал... Это было ужасно! Он за эти дни, видимо, не спал ни часа и вот теперь, пережив невыразимый страх и пробежав не меньше километра, он сразу свалился и заснул, как камень. Рядом, сидя, заснул прибежавший вместе с ним боец. Я их обоих снял.

Наша цепь росла. Через час мы уже имели цепь в километр длиной. Остановили человек 50 бойцов, обоз с кухней и пр. А танки всё еще не показывались, хотя, говоря по совести, я ждал их не без страха. Вскоре прискакал верхом на лошади начальник штаба полка Мельников. И только от него мы узнали правду о том, что произошло.

Два наши батальона с ходу захватили д. Кувечичи. На окраине (по выходе из села) их встретили огнем пушек и пулеметов танки. Танки и броневики появились на обоих флангах. Батальоны попали под жуткий перекрестный огонь танков. Шесть часов шел бой в окружении. Наши подбили 15 танков, но их было не меньше 70. Снаряды кончились. Танки многих подавили гусеницами. Всё же основные силы вышли из окружения. Отступив к деревне Лопатино, остановились и заняли оборону. Потери большие. В момент отхода кое-кто жутко спаниковал и оставил поле боя. Их-то мы и переловили нашей цепью. Больше бегущих не было. Тогда мы собрали всех беглецов вместе. Выстроили. Начальник штаба отчитал их. Они стояли черные, опустив головы, готовые провалиться сквозь землю. (Я снял их в этот момент...) Потом во главе с начальником штаба батальона направили обратно в свои батальоны. Пошли. Это было мрачное шествие!.. Собрался целый взвод человек в сорок! Я был счастлив, что принял участие в этой операции.

Уже глубокая ночь. Все спят. Я устал. Звенит в ушах. Изредка рычат немецкие самолеты-разведчики. Где-то сбросили пять-шесть бомб. Звякнули стекла. И опять все тихо. (Вчера в соседней деревне бомбами убито и ранено семь человек...) Надо ложиться спать. Завтра зубрить устав, ибо 12—13-го испытания. Мы должны сдать зачеты на комбата. Материальную часть оружия уже сдали.

Нет, надо записать еще один эпизод. На машине с хлебом я догонял батальон. Когда проезжали через г. Березна, он пылал. На улицах валялись трупы мадьяр. Проходили пленные (я снял группу пленных мадьяр). Проехав город, машина остановилась у моста на открытой поляне. Тут стояла подбитая пушка и станковый пулемет. Командир машины (зам. командира полка по хозяйственной части капитан... Нижний. Усы, как у таракана, с маленькими тупыми глазами) остановил грузовик и решил забрать кое-какие трофеи. Мы сошли с машины... Крик: «Воздух!» И 17 бомбардировщиков появились над нами. Так как здесь не было ни одной зенитки, они бомбили, как хотели, пикируя чуть не до самой земли. Бомбы посыпались на мост. Штук восемь самолетов спикировали на нас и на тот же мост. На наше счастье здесь были глубокие одиночные ячейки, и мы все успели засесть в них. Я лег на спину с лейкой, думая заснять момент пикирования. Но это было до того жутко, что когда гигантское чудовище с ревом и свистом камнем ринулось с неба прямо на нас, когда я увидел, что уже летят на землю три бомбы, я невольно зажмурил глаза, инстинктивно прикрыв голову рукой и... не смог поднять лейку навстречу крылатой смерти... Оглушительный грохот, столб пыли, свист осколков, облако дыма... Сразу стало темно и, по совести говоря, не очень весело... Я был весь засыпан песком. Когда чудовище пронеслось дальше, я всё же заснял еще не рассеявшееся облако дыма, хотя сердце продолжало трепетать... Не успел я кончить съемку, как с десятков самолетов сделали новый заход и, один за другим, пронеслись над нашими головами, поливая нас и машину пулеметным огнем. Это было, пожалуй, еще более неприятно. Пуля могла достать и в щели... Свинцовый шквал тоже пролетел, не задев мою голову. Я видел щепочки пыли, поднимаемые свинцовыми очередями, как летели с кустарника срезанные пулями ветки и листья... как свистнуло над головой и хлестнуло по краю щели...

Когда все затихло, раздался крик: «Вставай, кто жив!» Страхивая с себя песок, я собрал целую горсть еще горячих мелких осколков бомб. Один, с палец величиной, оставил «на память». Лица людей, вылезавших из щелей и ячеек, походило на маски мертвецов, хотя все улыбались, а многие шутили.

Это было 26 сентября. Пойду спать, уже светает. <...>

10 октября. Дер. Тамаровка.

День. Все утро читал устав. 12-го зачеты. Сейчас жду гостей... На дворе хмуро. Ветер. За окном шумит, качается вишня, а метров тридцать дальше, под купой ив, стоят три самолета. Соседство для деревни не очень приятное. Их ищут стервятники. Возможна бомбежка. <...>

Октября 16. Всё еще в Тамаровке.

Вчера и сегодня небо ревет, воет, свистит разбойным посвистом, грохочет — идет гигантский бой за расширение плацдарма по ту сторону Днепра и за переправы. Немец отчаянно упирается, бросает в бой танки, самолеты... Впрочем, у нас здесь явное превосходство в воздухе. Десятки и даже сотни самолетов участвуют в бою. Вчера продвинулись километров на 4—5, не больше. Немец понимает, что если мы его слошим за Днепром, дальше он покатится до самой границы. Портится погода — моросит осенний дождь. Тешерь это некстати.

Да, я, кажется, нашел хорошую тему для будущей повести — «Мать партизанка». За прообраз возьму старушку Староверову из с. Волкова.

«НА КУРСКОЙ ДУГЕ»

Картина П. А. Кривоногова (масло), 1947

Центральный музей Вооруженных Сил, Москва

У нее расстрелян сын-комсомолец. Ее самое мучили, требуя показать на сына и партизан. Выдержала. Не сказала. Жестоко избита. С внучком ходила по дворам. Он читал наши листовки колхозникам, а бабушка разъярялась, вела устную агитацию. Она безграмотна! Ее два сына были в партизанском отряде, теперь — командиры в Красной Армии. Старушка очень напоминает горьковскую мать, с ее теплой любовью к человеку, с верой в будущее счастье ее детей и внуков. Можно в качестве главных героев взять бабушку, ее сына-комсомольца и внука Алешу 12 лет. В этом плане начну собирать материалы. На днях встретил в Тамаровке (и снял) молодого партизана-комсомольца. Рассказал, как они партизанили. <...> Другой рассказал о «сюрпризах», которые партизаны посылали немцам: 1) Посылку через старшину лично коменданту города. Он вручал. Комендант вскрывал и... взрыв. Убит комендант и четыре немца. 2) Под седло лошади приладили мину и пустили к немцам. Те захватили и... всадник взлетел на воздух... Ой, как ревет сейчас небо! Начну писать очерк о партизанке.

Событие! Вчера сдал зачеты по тактике на отлично! Ну просто гора с плеч!..

18 октября. Тамаровка.

Забыл записать фамилию комсомольца-партизана — Варчило Алексей Васильевич. Три его брата в Красной Армии. В Любечский отряд им. Дзержинского ушел 11 марта 1943 г. Однажды отряд напал на гарнизон города. Убили 12 человек фрицев. Взяли трофеи. Разгромили штаб. Захватили документы. Вскоре на борьбу с партизанами двинули 48 тысяч мадьяр. Окружили лес в три кольца (минометы, пулеметы и артиллерийское кольцо). Но партизаны прорвали кольцо и разошлись по разным селам. Много перебили мадьяр. Командир соединения Поцудренко был убит.

Варчило был схвачен в с. Высоком 2 мая. Подвешен за ноги. Допрос — где оружие. Допрос чинили в коморе с зерном. Били прикладами. Кровь изо рта. Не сказал. Потом с веревкой на шее водили по селу (не уличит ли кто). Привели в Мекшуновку. Здесь было еще человек 50 «подозрительных» и 8 партизан. Их расстреляли на наших глазах из пулемета, а осталь-

ных, в том числе и Варчило, отправили в черниговскую тюрьму. Сидел 7 дней. Выгнали на работу, и он бежал.

19/X. Опять Тамаровка.

Дождь, слякоть, хмурое небо, низкая облачность. Воевать трудно. За эти дни мы расширили плацдарм за Днепром очень мало, хотя бои шли яростные. Селение N раз десять переходило из рук в руки. Немец пытается выбросить нас за Днепр... <...>

Да, а мы все-таки уперлись в Днепр. Стоим на месте с 27 сентября. Скоро месяц! Немец, видимо, надеется задержать здесь нас до зимы, а может быть, и дольше. Уверен, что этот «план» сорвется. Подтянем силы, нажмем, и опять покатится. Теперь уже до границы. Эх, как хочется побывать в Берлине, чёрт возьми! <...>

30/XI. С. Микуличи. Белоруссия.

Опять переход! И какой?! 40 километров ехали двое суток! Грязь, холод, дождь, снег. Две машины сломались. Одна завязла и осталась в грязи под охраной Сотникова. Одну взял на буксир американский «студебеккер». Я из кабины пересел в длинную будку «американца». Ужасная ночь среди поля! Хлестал ветер и дождь со снегом. Дуло со всех сторон. Мы жалась друг к другу, как прозябшие котята. Ночевали в машине. Все окостенели. Большинство ушло в землянку. Там сгрудились так, что не было места для сиденья. О «лечь» не может быть и речи! Я постоял с полчаса, «потанцевал» на носках, просушил над лампой мокрые варежки, немного оттаял и снова ушел в машину. Укутался как мог и заснул под вой пурги. Проснулся от ледяной дрожи и криков. Уже светало, и мы снова тронулись... Переезжая через Днепр, дружно пели: «Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч, над тобой летят журавли...»⁴ Чудесная песня. Ее мелодия преследовала меня всю дорогу. Вообще и днем и ночью много пели. Лабок⁵, промерзший насквозь, пел стуча зубами. Я переобулся в валенки. Это помогло. Но как только завязала машина, надо было переобуваться в сапоги и идти помогать вытаскивать нашу злосчастную «технику». За дорогу мы это делали раз 20. Все, как свиньи, грязные... Пели с настроением песню журналистов⁶:

Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Материал сумел ты передать
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное наплевать!

Но меня особенно трогали строфы:

От Москвы до Бреста
Нет на фронте места,
Где бы не шагали мы в пыли
С лейкой и блокнотом,
А то и с пулеметом,
Сквозь жару и стужу мы прошли.
От ветров и водки
Охрипли наши глотки,
Но мы скажем всем, кто упрекнет:
С наше покочуйте,
С наше поночуйте,
С наше повоюйте третий год.
Там, где мы бывали,
Нам танков не давали.

Репортер погибнет — не беда.
 Но на эмке драной
 Мы с одним наганом
 Первыми въезжали в города.
 Выпьем за победу,
 За свою газету,
 А не доживем, спой, дорогой,
 Кто-нибудь услышит,
 Скажет и напишет,
 Кто-нибудь помянет нас с тобой...

— Товарищ майор, баня готова! — раздаётся голос 14-летней Аленушки... Я бросаю перо и с великим удовольствием разоблачаюсь «до Адама» и тут же в хате моюсь горячей водой в маленьком, выдолбленном из бревна корытце. Опишет ли кто-нибудь это бескрайнее удовольствие — вымыться, да еще целым чугуном воды!!! Моюсь в двух водах (а всего чугуна горячей воды!) и чувствую себя на седьмом небе! Ура!..

Приехали 28-го ночью, а выехали рано утром 26-го.

Это уже Белоруссия! Села беднее и грязнее украинских. Детей малюла меньше — тучи. У нашей хозяйки семь штук — от 3 до 14 лет! Как она кормила и «годувала» их при немцах, уму непостижимо. Я до сих пор думал, что самые выносливые женщины — это русские Матрены и Марии, а оказывается, белоруски могут дать им сто очков вперед.

Мы заняли вдвоем с Чачко большую «горницу», но без мебели. Кое-как натаскали два стола, три стула и сделали топчаны для спанья. И опять чудесно. Плохо — нет лампы. Вчера всю ночь я писал статью о Кирове. Закончил и сдал в 9 часов утра сегодня. И только по сему поводу получил лампу на эту ночь. Придется дальше жить с копилкой. Увы!..

Хозяйка радостно угостила нас картошкой с салом. Она еще живет страхом перед немцами, которые изгнаны отсюда всего три дня назад. Бежали так быстро, что успели спалить всего лишь три хаты. Немцы бегут из петли, в которую попали, и спешат отчаянно. <...>

18 декабря. Дер. Козелужье (Полесье).

Кругом леса и болота. Побывал на передовых. Ехал 70 км. Шел — 15. Бродил по лесам. В гвардейской дивизии провел собрание об итогах боев (красноармейское). В артиллерийском полку нашел Героя Советского Союза и кавалера ордена Славы (Шестеркин, сержант).

По приезде через день снова был на фронте. Взял материал: как ротная парторганизация обеспечивает успех боя, и о снайпере.

Завтра, кажется, снова в поход! Здесь мы пробыли с 8 декабря и до сих пор. Ждем приезда редактора из Москвы. Поехал за цинкографией. <...>

4 января 1944 г.

Всё еще не уехали! Даже Новый год встретили здесь. И как встретили — пыль столбом! Был полковник Котиков, Горчаков⁷. Много вина и водки, студень, слоенки, чудная капуста и пр. Лихо пели, дико плясали. Всех угробил поэт Никифоров. Плясал часами. Я прочитал раешник — дружеский шарж на коллектив (Дубов, Никифоров, Лабок, Панкратов⁸, Сотников и др.). Много смеялись. Забавные вещи читал Никифоров... Загадки. Дубов разбил целую охапку блюд и тарелок. Вся деревня приходила потом в поисках: где моя тарелка? где бутылка? В общем народ освежился, покружился, посмеялся и забылся, хоть на миг... А там где-то гудит земля и рокочет огонь войны.

Кажется, сегодня наконец-то появится снова «Дед Иран — старый ветеран».⁹ <...>

20 января. Калинковичи.

Городишко похож на большую деревню. Дома деревянные. Часть немцы сожгли, но большая половина города уцелела. Бои здесь были жестокие. Всюду следы: осколки снарядов, ямы, патроны, сорванные углы домов, выбитые стекла. Сейчас идут бои километров за 15—18 от Калинковичей. Слышна артиллерийская канонада.

Только сию минуту пришел из 7-го отдела, получил дневник немецкого офицера. Начал читать. Встретил женщину, которая только что прибежала из освобожденной деревни Клинек. Рассказала, что там вчера немцы захватили в плен 19 красноармейцев и расстреляли на дворе. Лежит куча тел. Одного долго допрашивали, пытали и убили в сарае... <...>

8 апреля. Калинковичи.

Сейчас читал Бальзака. Книга натолкнула меня на ряд мыслей о том, как надо писать мои мемуары. Чтобы не забыть, записываю одну мысль:

- а) Надо осмотреть тюрьмы и участки и пр., в которых я был в 1907 г.,
- б) Ознакомиться с историей Бутырок,
- в) Найти в архивах свои дела,
- г) Изучить материалы соответствующих музеев,
- д) Достать словарь блатных слов (1907 год).

19 апреля. Гор. Костополь.

11 апреля мы на трех машинах выехали из Калинковичей. В три-четыре дня проехали около 300 км. В первый день — только 48 км. Сидели в грязи в необозримой колонне вечер и всю ночь до 11 часов утра.

На четвертый день снова и безнадежно завязли за Костоподем. Сутки возились в невылазной грязи и всё же вернулись обратно в Костополь. Решили ехать поездом.

В Костополь прибыли 15 апреля. По дороге трижды ночевали в деревнях, окруженных лесами, а в лесах — банды бендеровцев. В Ровенской области их насчитывается до 60 тысяч. Они совершенно терроризировали сельское население и под страхом смерти мобилизовали мужчин в свои банды. Поляков истребляют целыми семьями. Попутно грабят и бьют белорусов. Все бегут от них в города под защиту Красной Армии. <...>

У хозяйки нашей квартиры Демьянчук бендеровцы убили отца и брата, за то что брат не пошел в их банду. Одного украинца с женой полькой забрала в лес и приказала мужу убить жену, за то что она «ляшка». Он отказался. Тогда убили их обоих. Полька из деревни Ляубе, 75 лет, послала семь сыновей и троих внуков в польскую армию имени Костюшко. Бендеровцы хотели убить ее, но она успела бежать в Костополь. Тогда их ограбили начисто, а у замужней дочери Каролины разобрали дом и сарай и перевезли в другое село, где построили дом одному из главарей шайки.

Вчера днем пулей из-за угла убит один из командиров Красной Армии в Костополе. Только час назад за Костоподем кто-то бросал ракеты. НКВД направило туда две машины бойцов. Прилетели самолеты. Бомбят Ровно и Сарны...

20 апреля.

Я дежурный. Ночью ставил два поста. Сам менял часовых. Не спал до 10 часов утра. Здесь обстановка скверная, надо держать всех в боевой готовности. Ночь прошла благополучно. Тишина. Ходили патрули НКВД. Прошел ливень и первая молния. Я думал, стреляют зенитки.

Костополь — маленький, чистый городок европейского типа. Прямые улицы, по бокам деревья, белые одноэтажные домики, железные серые крыши. Парк. В парке братские могилы.

СОТРУДНИКИ ГАЗЕТЫ 61 АРМИИ «БОЕВОЙ ПРИЗЫВ»

Во втором ряду — П. А. Бляхин (второй справа), И. М. Пекерман (четвертый справа)

Фотография П. Сотникова. Брянский фронт, 1943

Собрание Х. С. Топоровской-Бляхиной, Москва

Здесь я был в 1907 г., когда меня гнали в Сарны из Ровно по этапу пешком. Сидел пять-шесть дней в полиции. Жестоко простудился. Голодал. Спасала девушка-украинка, угощая меня чаем с белым хлебом. Ничего здесь не узнаю. Был грязный захудалый городишко или, вернее, большое село. Теперь здесь появился большой костел из красного кирпича. Красивое здание.

Побывал вчера в райкоме. Встретил председателя (?) Ровенского обкома — женщина. Все коммунисты здесь пришлые. Работать очень трудно. Население насторожилось, всего боится. Ждет, когда будет разгромлен немец. <...>

Хоть мы застряли в дороге, но сразу же развернулись и стали выпускать газету. Редактор в этом отношении молодец. Моментально организует народ и находит выход из положения. Уже трижды слетал в Ровно на самолете, говорил с командующим, добился приказа о платформах и пр. Ждем.

Да. Сейчас Панкратов прочитал мне недавний боевой эпизод. Вокруг одного немецкого гарнизона на много верст разлились болота, и он оказался на острове. Младший лейтенант Ибирулин на лодках ночью проехал 9 км водой и внезапно атаковал немцев. Часовые спали. Даже штаб был захвачен врасплох. 60 фрицев убили, пятерых взяли в плен. Население помогало — и палками и топорами истребляло фрицев.

Сегодня кончаю раешник — «Дед Иван о войне на болотах».

21 апреля. Костополь.

Платформа на линии железной дороги. Яркий весенний день. Бродят облака, и легкий туман клубится над болотами. Железнодорожная станция. Три наших машины — одна с печатней, одна с электростанцией и третья с грузом бумаги и пр. — стоят на платформах, на рельсах, готовые к отходу.

Ждем поезда. Ребята, неожиданно получившие передышку, валяются на солнце около рельс. Многие спят. У машин — двое часовых с автоматами — Рыжиков и Захаров. Из города в ведре принесли обед. Покушали с аппетитом. Я сижу в кабине печатни и кушаю, как в ресторане, в отдельном кабинете... из котелка. Рядом стоит воинский поезд: бойцы, боеприпасы. В небо торчат пулеметы и бронебойки. Между рельс горит костер. Бойцы варят чай. Болтают. Смеются. Поют «Провожала меня Люба...» Песня плывет в воздухе, растворяется, замирает на высоких нотах. Волнует сердце, почему-то становится грустно. Запевала поет мягким грудным голоском...

Хозяйка моего дома Нина Демьянчук проводила меня до ворот дома. Махнула платком. Лицо печальное. Они очень боятся ухода из города Красной Армии. Боятся мести бендеровцев. Нина носит траур в память погибших от их рук отца и брата.

Да, так! вот я сижу сейчас в кабине, греюсь на солнышке, любуюсь облаками, и думаю-мечтаю неведомо о чем. Мысли неясные, как эти облака, бесформенные. Я просто живу... дышу...

Говорят, в Сарны приедем к ночи. Приятного мало. Там, как правило, вечером начинается бомбежка. «Как раз к бомбежке!» — смеюсь, болтают наши девушки. Да, это очень весело.

Визг. Смех. Грохот. Поехали!

Вечер того же дня. Где-то в поле остановился поезд. Сидим. Кругом болота непроходимые и леса. Кое-где кучками прилепились белые хаты. Около них полосы и квадраты озимых, пересеченные бороздами. Частная собственность. Миллионы лягушек поют и даже стонут на разные голоса. Наводят тоску... Баба просит бойцов продать ей мыла. Смех.

Знаем, что в этих лесах и хатах сидят бендеровцы. Но мы сравнительно неплохо вооружены. Есть даже три автомата. Все на чеку. <...>

Гудок. Тронулись. Уже темнеет. Да, да, в Сарны приедем как раз вовремя... <...>

22 апреля. Сарны.

Раннее утро. Кабина. Ночь провели, не доезжая Сарн, среди болот и леса. Никакой бомбежки не было. Спал на сиденье в кабине, в форме вопросительного знака — и ничего. Сейчас пробовал заснуть, уже утром. Не спится. Дождь, ветер. Тучи несутся, как сумасшедшие. В голове, как кинолента, проплывают образы... Москва. Театр. Музыка. «Евгений Онегин». Бал... Рабочий мой кабинет. Электрический свет и шкаф с книгами. Рокот города...

У машины стоит пост — Митя-повар с автоматом. Серегин напевает романс.

Да, забыл записать вчера: станция Костополь превращена немцами в крепость. Деревянный сруб, засыпанный между стен землей в метр толщины. Вокруг колючая проволока, а за ней внутри лес кольев с заостренными концами торчит из болота.

В Сарнах встали рано. Развели костер. Повар сварил кашу мирового масштаба. Лучше, чем в гостинице «Метрополь»! Мимо едет поезд с войсками. Проектора. Пулеметы, орудия. Поели кашу с дьявольским аппетитом.

Станция Сарны и город разбиты бомбежками вдребезги... На развалинах одного дома я увидел совершенно целую плетевую кровать для кук-

лы... Значит, здесь была жизнь, были дети, цвела радость и... ничего нет, кроме этой кровати. <...>

24/IV. С. Берести (за Сарны 50 км).

Огромное село. Тянется на несколько километров. Костел и три церкви, у околиц гигантские кресты с распятием. На них висит множество полотенец, истрепанных ветром. Вокруг зеленые, сочные поля — озимые засеяны. Полосы узкие. Борозды отделяют одно поле от другого — частная собственность.

Приехали вчера вечером. Ночевали в большой голой комнате. Вдоль стен скамьи. Два стола. Один еле дышит. Голландка. Поселились трое — я, Панкратов, Чачко. Хорошо. Постель спартанская.

Первое, что я услышал от Чачко и Якимова, это рассказ о том, как повесили бывшего заместителя начальника тюрьмы — немца и предателя-бендеровца. Немец держал себя крепко. Бендеровец сразу посерел, и глаза стали стеклянными, когда машина подъехала под виселицу. Прочитали приговор. Петли на шею. Машина дернулась и ушла. Враги повисли. <...> В присутствии сотен бойцов. Собакам — собачья смерть, — общий приговор.

В этом селе тоже много бендеровцев. Поэтому нам запретили жить вместе с местными жителями.

Здесь мы спешим занять оборону. Немцы подтягивают сюда резервы. Можно ожидать наступления. Я уже пишу «Ветерана» о стойкости. Еще не знаю, что напишу. <...>

Началось! Гул самолетов. Бьют наши зенитки. Пойду посмотрю. Сейчас ночь, и я дежурный по гарнизону. <...>

11 часов ночи. Панкратов диктует машинистке, словно декламирует со сцены: «Немцы рано утром открыли огонь. Они стреляли целый час...» и т. д. Секретарь что-то пишет и сердито фыркает на Панкратова: «Я не обязан за каждой заметкой бегать к вам по десять раз! Вместо 200 строк — 75!» Стриженная голова, низкий сморщенный лоб, острый, с широким основанием нос. Когда сердится, похож на ежа. Глаза мутные, белки желтые. Взгляд ничего не выражает. Широкий рот. Чем-то напоминает жабу. Талантов никаких. Непонятно, почему он секретарь.

— Свет! Свет! — кричит часовой и стучит к нам в окно.

Поправили светомаскировку. Пальба затихла. Видимо, был налет на Сарны.

29 апреля. С. Берести.

Скоро 1 мая. Милый весенний праздник. Готовимся к встрече. Я сдал поздравительного «Ветерана». Чачко уже напечатал сегодня рассказ «Сильнее любви». Хороший рассказ <...> Я устал от «Ветерана». Надо менять жанр. Сяду за рассказ «Мать». <...>

1 июня.

Дремучий лес. Лагерь, палатки. Болото. Миллиарды комаров. Сначала дожди и холод. Вставал с белыми пальцами. Теперь тепло.

Получил письмо от Клавдии¹⁰. Рад. Изумительный человек! Целые годы страданий и не поколеблен моральный облик! Большевик прекрасного поколения 20-х годов, эпохи гражданской войны.

6 июня.

Лес. Там же. Долгожданная весть: союзники высадили десант в Северной Франции. Бурная радость бойцов. Митинги. Сообщение принимается на ура, но никто не забывает, что нам еще придется повоевать. Немец безнадежно сошел с ума и будет драться с упорством приговоренного к виселице. <...>

3 июля. Дер. Селец.

Уже июль! Второй месяц лета, четвертый год войны. Сегодня взят Минск. Ура! Наступление разворачивается в невиданных еще масштабах, невиданными темпами. Почти каждый день около 1000 населенных пунктов освобождается — и приказы, салюты в Москве. Думаю, скоро двинемся дальше.

23 июля. Село Новые Кленки, Пинской области.

Из сельца мы отъехали верст 60 и ночевали в деревне.....*

Чудная хатка. Под окнами садик, огороды, дальше луга, лес. На другое утро выехали в Новые Кленки — еще 50 км (за г. Янув). <...>

Сегодня были в Пинске на митинге и параде войск. Сотни жителей. Тысячи красноармейцев и матросов. Около трех тысяч партизан. Они шли, пестро одетые, часть в лаптях, босиком, в сапогах и ботинках, кое-кто в немецких куртках. Пролетел отряд конных партизан. Отряд польских партизан шел перед трибуной во главе с ксендзом. Он поднял свою трость, как винтовку, проходя мимо трибуны. Я снял парад <...> Невыразимо приятно было видеть открытый, на площади, при ярком солнце, митинг граждан и парад войск. Это первый раз за три года!

В Пинске нашел и побеседовал с двумя старушками-польками, которые два года укрывали у себя в погребе от немцев две еврейские семьи — Купнер и Радновских, шесть человек. Зная, что им грозит всем смерть в случае обнаружения еврейских семей, старушки заранее приготовились к смерти, исповедались и причастились у ксендза Василевского. Теперь они освободились. Радость неопишуемая. Обе семьи с опухшими ногами и руками. Еле ходят. Старая мать — скелет, белая, как снег, голова.

В Новых Кленках только сейчас вернулся с похорон расстрелянной немцами семьи Александровских: мать 66 лет, ее дочь 45 лет с детьми 20, 16 и 2 лет — мальчики, и дочка 8 лет. Их убили за то, что дочь и сын Александровской ушли к партизанам. Сегодня жители с нашим участием вырыли останки из ямы, уложили в гробы и похоронили на кладбище. Из политотдела говорили речи. Потом священник отслужил панихиду. Мы составили акт за подписями жителей и священника. Я снял гроб с тремя телами. Ужасно! <...>

1 августа. Сельце (Барановичи).

... Были под Брестом и в Бресте. Внезапно 170 км назад и в сторону Барановичей. Говорят, скоро двинемся в сторону Берлина. Буду рад, если это так. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ст. лейтенант Анисимов — сотрудник редакции газеты «Боевой призыв».

² Майор В. Н. Светцов — сотрудник редакции газеты «Боевой призыв». П. Сотников — фотокорреспондент той же редакции.

³ М. И. Чачко — детский писатель, сотрудник редакции газеты «Боевой призыв». Никифоров — поэт, работавший в той же редакции.

⁴ «Ой, Днипро, Днипро...» — песня М. Фрадкина, на слова Е. Долматовского.

⁵ М. Лабок — сотрудник газеты «Боевой призыв».

⁶ «Корреспондентская застольная» — песня, написанная К. Симоновым в 1943 г. и получившая широкое распространение среди журналистов-фронтовиков. Песня записана у Бляхина в сокращенном виде и со многими отступлениями от авторского текста (ср. в кн.: «В редакцию не вернулся...». М., Изд-во политической литературы, 1964, стр. 290—291).

⁷ Полковник А. Г. Котиков — нач. политотдела 61 армии; Горчаков — его заместитель.

⁸ П. А. Дубов, В. А. Панкратов — сотрудники редакции газеты «Боевой призыв».

⁹ «Дед Иван — старый ветеран» — так Бляхин подписывал свои стихотворные фельетоны в форме раешника.

¹⁰ Клавдия Семеновна Зельдич — друг семьи Бляхиных, в 1920-е годы зам. зав. агитпропом Екатеринославского губкома КП(б)У. В 1937 г. была незаконно репрессирована; в настоящее время персональный пенсионер.

* Многоточие в подлиннике. — *Ред.*